

ОЛЬГА ЗЮКИНА



ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ

РАССКАЗ

— Вот и загсы закрыты. С тобой даже не разведёшься нормально. И что будем в одной квартире делать? У меня удалёнка, интернет, я не могу уехать. А ты... никуда не собираешься? — спросила она.

— На кухне буду спать, — ответил он и вышел из комнаты.

Она прыгала в интернете со страницы на страницу, как потревоженная птица над кошкой, что близко подошла к гнезду. Как разъехаться? Снять квартиру? Риелторы не работают. Гостиницы закрыты. Рейсы отменены. И загсы теперь — будь они неладны! А вдруг мы не разведёмся никогда?

“Боги против нашего союза”, — истерили невесты в Инстаграме, делясь опасениями с ведущими несостоявшихся свадеб.

Боги против нашего распада. Ой, что это? Так недалеко и с ума сойти.

Чёрные тайтсы, шорты, термобелье, красные кроссовки. Путь к выходу через кухню. Там наткнулась на уже разложенный жёлтый спальник. А спальник-то совсем новый, один раз только с ним в Армавир съездили. Ему не понравилось. Его длинные музыкальные пальцы весь отпуск тосковали по скрипке, а она таскала его по горным тропам среди холодных мохнатых камней.

Побежала. Темп пять минут — километр. Быстро. Ярость тащит её вперёд на поводке, как долго не гулявшая собака. Бежала бы и бежала без оглядки. Но бегать теперь запрещено, пора домой. Ярость выгуляна.

Он лежит спиной к стене. Точно не спит. Прошёл всего один день. Поскорее бы всё закончилось.

Ему снились кошмары. Он заперт в своей студии, стучит в окно. А на улице, перед окном его ученики играют на духовых “Unforgiven”. Хлещет дождь, инструменты портятся, а он не может выйти.

ЗЮКИНА Ольга Сергеевна родилась в 1990 году в Брянске, окончила Брянский государственный университет, работает юристом в ООО “Объединенные кондитеры”.

Проснулся. Срочно смыть этот бред. Умылся ледяной водой. Мало. Залез под холодный душ. Жизнь продолжается. Его детский центр, оркестр рок-хитов, закрылся. Но не навсегда. Он же откроется, когда всё закончится. Если всё закончится...

Через десять минут в чат летело сообщение: “Ребята, центр — это не стены, центр — это мы. Давайте заниматься онлайн”. Едва шесть утра, а в чат понеслось: “да”, “ОК”, “музыка — наше всё”.

Вошла она, молча проследовала в ванную, а потом с тюрбаном на голове жарила омлет.

— Послушай, — начал он, — раз уж мы вынуждены жить вместе, давай хотя бы здороваться, как соседи.

— Доброе утро, — не посмотрев в его сторону, ответила она и пошла на балкон. За ней тянулся шлейф ароматных кофе и омлета.

А он на голодный желудок искал онлайн-платформу, чтобы уже сегодня выйти в эфир.

Шумоизоляция в квартире пропускала каждый звук от неё к нему, от него к ней. Она целый день на телефоне.

— Мы работаем. Мыло, порошок — товары первой необходимости.

— Реквизиты сброшу.

— Только опт.

— Немного не хватает до минимального заказа.

— Я знаю способ, как вам заработать больше.

Он ей завидовал: трепи весь день языком, продавать и по телефону можно. Иногда заслушивался: умеет же втюхивать.

Бедная его музыка. Заниматься онлайн, какой может быть звук? Какой может быть слух? Бедные дети — классика из динамиков телефона.

Прошло три дня. Дико хотелось на свободу.

Она собирается в магазин. Паспорт, пропуск, маска, перчатки — необходимый набор для выхода на улицу.

Там, в большом мире, пустынно. Страшно. Люди сторонятся друг друга. Зато просторно в очереди. Что раньше мешало стоять поодаль? Этим любителям потереться животом о спину соседа.

— А вы почему маской нос не закрываете? — со знанием дела спросила покупательница кассира.

— Из-за очков, — кассир натянул маску на нос, один вдох и очки густо запотели. — Вы не переживайте. Я нос антибактериальной мазью мажу. Купил в аптеке. Недорогую.

Она шла домой, тело чесалось, будто испачканное. А на городских клумбах распускались тюльпаны и нарциссы.

Он пропуска приберегал для поездок в студию. Привёз гуиро, маракасы, рейнстик.

— Что это? — спросила она.

— Хоть при разводе узнаешь, чем я занимался. Смотри.

Он по-шамански завертел дождевую флейту.

— Красиво, а зачем?

— Для занятий.

— И как? Платят?

— Символически.

— Аренда тоже будет символическая?

Он сердито и грустно посмотрел на неё. Взял скрипку, вышел на балкон.

Из-за шторы в комнату несмело прокралась мелодия, потёрлась о её грудь, там, где сердце, и, окрепнув, вылетела и понеслась над кварталом. Мелодия стучалась в окна, заглушала гул электробусов. Музыка, в отличие от людей, могла выскочить из дома, когда и куда хотела.

Одни соседи вышли на балконы, другие распахнули окна.

— Хорошо играет.

И он играл. Смущённый, польщённый, возбуждённый. Играл для себя, для девчонки с яркой помадой на губах, для пузатого дядьки с сигаретой. Он играл и думал: а ведь только сейчас, взаперти, он рассмотрел тех, с кем через стенку живёт много лет.

С тех пор он играл каждый день в восемь. Шостакович, Вивальди. Слушателей прибавлялось. Просили “Мурку”, а кто-то — “Наутилуса”. Раньше брезгливо бы сморщился, а теперь он так полюбил своих соседей, что попытался что-то подобрать. На балконах веселились, а ей от этой зажигательной мелодии стало почему-то тоскливо...

Прошло три недели. Похоже, это никогда не закончится.

— Да чтоб ты провалился, зараза такая! — она била по клавиатуре. — Включайся, включайся!

Он заглянул в комнату:

— Ты чего?

— Ноут завис. А мне заказ надо провести. В самый неподходящий момент.

Он молча принёс свой. Она ввела свою учётку и провалилась в море номенклатуры и названий.

Он поехал в студию, захватил её ноутбук с собой — по соседству с центром есть ремонт техники. Работает ли? Ура, работает. Ребята взяли тут же чинить. На витрине среди наушников, мышек, аккумуляторов неожиданно увидел детское мыло, порошок и крем под подгузник.

— Товары первой необходимости? — вспомнил он.

— А что делать? Работать-то надо, — пожал плечами парень, разбирая ноутбук, — заказов много, чего не сделают люди ради удалёнки. Кстати, мы ещё и маски продаем. Не надо?

Она проснулась ночью от нехватки воздуха. Такое было всего один раз, когда не стало папы. В пижаме прошла на кухню, он спал. Она присела на корточках у спальника: дышит. Выпила холодной воды. На столе дремала гуиро. Она провела палочкой по деревянной спинке игрушки, правда, будто квакает.

И всё же, как мало они знают друг о друге. Думали, что это круто — независимость, свобода. А на деле каждый копался в своём интересе, отдалялся один от другого. Семья — значит “вместе”.

Вот и его черед узнать о конце.

— Съезжай без неустойки, есть другой арендатор. Ты — хороший парень, но я не меценат.

Он согласился, не ругался, а мог бы.

— Давай попрошу нашего юриста написать что-нибудь. Форс-мажор, карантин... Вон пишут, в пострадавших отраслях освободить от аренды...

— Не надо. С этим помещением всё решено.

Она полезла в запылённую антресоль в коридоре. Из открытой со скрежетом дверцы на неё полетел пакет со связанными ручками. Увернулась, кинула пакет в него:

— Одевайся, пойдём побегаем.

Он послушался.

— Держи темп, не отставай, трусцой бежим же!

Он бежал за ней, мысли прыгали. Интересная штука мысли — непослушные, своенравные. Телу можно приказать — сиди, лежи, а мыслям не прикажешь. Хотелось подумать о студии, куда переехать, как обставить, а в голове вертелась песня:

*Где-то там на горе возвышается крест,
Под ним десяток солдат, повиси-ка на нём,
А когда надоест, возвращайся назад,
Гулять по воде, гулять по воде...*

— Полицейские, — шепнула она, — бежим!

Неслись по кустам, перепрыгивали через бордюры. Оторвались.

— Молодец, быстро, — похвалила она.

— Я и сам не знал, что могу.

И они захохотали громко и искренне. Замолчали резко, одновременно.

— Знаешь, — сказала она, — я никогда не знала, сколько человек в день болеет, сколько в день умирает. А вдруг мы теперь всегда будем это знать? Всегда, понимаешь?

На следующий день он ушёл. Днём это было незаметно. Вечером она то и дело хлопала холодильником, будто съесть чего-то хочется, а чего — понять не могла. Ночью он не вернулся. Не спалось. На рассвете сон победил. Прозвенел будильник. Тихо. Пусто. А не этого ли ты хотела? А не этого ли вы оба хотели? Позвонила — телефон выключен. Работала, перепутала адреса доставки. Вечером щёлкнул ключ. Он вернулся.

— Что случилось? Где ты был? — набросилась на него.

Он поставил на пол большую коробку.

— Вещи собирал, переночевал в студии. Вот куда можно было съехать.

Они, молча, стояли в коридоре. Между ними — коробка, набитая нотами. Срочно, как вдохнуть, надо поговорить.

Прошло шесть недель. И уже совершенно не важно, когда это закончится.